

УДК 316.334.2

Предметное поле экономической социологии в изучении проблематики старшего возраста

Ю.Л. Софронова✉

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия*

В статье рассматривается предметное поле экономической социологии применительно к анализу проблематики старшего возраста. Цель работы – систематизация отраслевых направлений и теоретических подходов (структурного, институционального, деятельностного и социокультурного) к анализу хозяйственной жизни пожилых людей. Эмпирическую базу составил контент-анализ 112 научных публикаций российских авторов за период 2016–2026 гг. Выделены три устойчивых тематических блока: рыночно-трудовой, оценочно-ресурсный и институционально-деятельностный. Сделан вывод о многомерности и перспективности экономико-социологического подхода, отмечена относительная недооценённость социокультурных и поведенческих аспектов, что открывает направления для дальнейших исследований проблематики старшего возраста в контексте цифровизации и «серебряной» экономики.

Ключевые слова: экономическая социология, старения населения, пожилые люди, рынок труда, социально-экономические практики, институциональный подход, контент-анализ.

The Subject Field of Economic Sociology in the Study of Older Age Issues

Yu.L. Sofronova✉

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article examines the subject field of economic sociology as applied to the analysis of older age issues. The aim of the work is to systematise sectoral directions and theoretical approaches (structural, institutional, activity-based, and socio-cultural) to the analysis of the economic life of older people. The empirical basis is a content analysis of 112 scientific publications by Russian authors for the period 2016–2026. Three stable thematic blocks are identified: market-labour, evaluative-resource, and institutional-activity. The conclusion is made about the multidimensionality and promise of the economic-sociological approach; a relative underestimation of socio-cultural and behavioural aspects is noted, which opens up directions for further research on older age issues in the context of digitalization and the silver economy.

Keywords: economic sociology, population ageing, elderly people, labour market, socio-economic practices, institutional approach, content analysis.

Введение

Мировые демографические тренды старения населения стимулируют социальных исследователей к подробному анализу проблематики старшего возраста. Экономическая социология в этом смысле обладает содержательной концептуальной базой, позволяющей системно и глубинно рассматривать хозяйственную жизнь представителей старшего поколения как на макро-, так и на микроуровнях. Одним из ключевых здесь является тезис Марка Грановеттера об укоренённости экономического

действия в социальных отношениях и воспроизводстве материальных условий жизни через социальные процессы [1]. Взаимодействие в рамках социологических измерений с людьми старшего возраста, которые являются носителями богатого жизненного опыта, позволяет делать выводы о качестве и степени погружённости их хозяйственных навыков и практик, экономических установок и верований в социальный и культурный контекст. Экономическая социология (и социология как таковая), предлагает классические и современные теоретические и эмпирические инструменты «препарирования» данного контекста. Применение данного инструментария в изучении проблематики старшего возраста представляется интересной и перспективной задачей.

Характеристика исследования

Цель представленной работы – определить предметное поле экономической социологии в изучении проблематики старшего возраста; систематизировать актуальные экономико-социологические исследовательские направления.

Стоит сформулировать ряд ключевых вопросов теоретического и эмпирического анализа, репрезентирующих *задачи* исследования. Какие аспекты хозяйственной жизни представителей старшего поколения рассматриваются в рамках отраслевых направлений экономической социологии? Как характеризуется проблематика старшего возраста в рамках структурного, институционального, деятельностного и социокультурного подходов, традиционных для социологической науки? Каким именно темам (проблемам), характеризующим хозяйственную жизнь пожилых граждан, сегодня уделяют внимание российские исследователи в рамках предметного поля экономико-социологического подхода? Важно отметить, что подобного рода систематизация является основой для дальнейших авторских исследований, обоснования оптимальной концептуальной базы и построения прикладного социологического инструментария.

Методы исследования – теоретико-методологическая характеристика проблематики старшего возраста сквозь призму экономсоциологического подхода; контент-анализ публикаций российских авторов по социально-экономическим вопросам жизнедеятельности пожилых людей. Для реализации контент-анализа научных источников, с акцентом на заголовки и аннотации, было отобрано 112 статей (на базе электронных библиотек e-library и «Киберленинка»), опубликованных в 2016–2026 гг. Обработка текстового массива проводилась в программе MaxQda. В качестве иллюстраций к тезисам использовались материалы фокус-группового интервью с представителями старшего поколения (7 женщин пенсионного возраста), реализованного при участии автора в г. Семёнов Нижегородской области (осень 2022 г.).

Результаты исследования

Отраслевой контекст изучения проблематики старения и старшего возраста. Экономическая социология подразумевает изучение экономической субъектности человека старшего возраста и его хозяйственные практики в контексте различных отраслевых направлений. Так, *социология труда и занятости* изучает востребованность, мотивацию и поведение работников старшего возраста на рынке труда, исследует соответствующие аспекты найма и увольнений [2]. Например, В.Н. Шабалин и С.Н. Шатохина обосновывают влияние трудовой деятельности на продолжительность и качество жизни людей пожилого возраста, и утверждают, что труд является «самым мощным геропротектором», а «у людей с более высоким

уровнем образования более низкие показатели смертности и более высокая продолжительность жизни» [3]. Ключевая проблема, которую раскрывают авторы – это доминирование в РФ модели «вытеснения» людей старшего возраста из сферы труда, противоречащая мировым трендам [3].

Социология рынков способна фиксировать положение пожилого человека как представителя социальных групп в системе рыночных отношений, характеризующихся неравенством, жёсткой конкуренцией, неопределённостью. При этом несовершенства рынка могут балансироваться вмешательством государства, развивающего систему социальной защиты и активизирующего третий сектор и социальное предпринимательство [4].

Социология потребления рассматривает людей старшего возраста как приобретателей товаров разного рода, и особый интерес здесь представляют продуктовые рынки и рынки товаров повседневного спроса, рынки медицинских услуг, лекарственных препаратов, социального обслуживания, то есть все те структуры, которые играют критическую роль в решении задачи поддержания качества жизни пожилого человека. В этом контексте, в частности, выделяются такие направления анализа, как *стоимостной* и *потребительно-стоимостной* подходы [5]. Первый подразумевает денежное измерение социальных отношений и оперирует понятиями потребительской корзины пенсионера; стандартов потребления. Акцент делается на финансовой оценке качества жизни людей старшего возраста, анализе денежного выражения потребительских благ, необходимых для нормального функционирования. В них особенно значимы затраты на воспроизводство физического ресурса здоровья, а именно на питание, одежду, жилье, а также на медицинское обслуживание и лекарства. Потребительно-стоимостной подход анализирует превращение потребительских благ в социальные и психологические качества человека. Это решение вопроса о том, насколько этот набор соответствует требованиям самого человека (как потребителя данных благ), удовлетворяет его потребностям [5].

Возможные потери в доходах при выходе на пенсию могут провоцировать *риск бедности*, уязвимость пожилых в данном случае оценивается сквозь призму теорий абсолютной и относительной бедности, доходных и расходных концепций, теории многомерной депривации и субъективных способов определения нуждаемости [6, с. 114–132].

Социология неформальной экономики рассматривает пожилого человека как субъекта и объекта хозяйственных практик, находящихся вне официального государственного регулирования [7]. *Социология финансов и денег* определяет человека старшего возраста в качестве управляющего персональными активами, что формирует как преимущества, так и риски. Здесь актуальны вопросы инвестиционного поведения, сбережения активов и инвестирования в старший пенсионный возраст; финансовых рисков; бюджетирования, балансирования доходов и расходов [8].

В целом, мониторинг научного информационного пространства по социально-экономическим вопросам старения и старшего возраста позволяет сделать вывод, что современные авторы всесторонне исследуют указанную проблематику, делая акцент на её экономических и демографических аспектах. Концептуальная база экономической социологии при этом может способствовать пониманию связи экономических и демографических процессов с социальным и культурным фундаментом.

Помимо прочего, экономосоциологический подход заключается в рассмотрении хозяйственной сферы общества с точки зрения её *структурных, институциональных, деятельностных и социокультурных характеристик* [9]. В **структурном** контексте взгляд на человека старшего возраста как субъекта экономических отношений

предполагает оценку его ресурсности (капитализации); анализ включённости в сообщества и группы, обладающие теми или иными активами (или исключённости из них); изучение связей (сетевых ресурсов), способствующих сохранению и преумножению активов и реализации экономических интересов [9]. Особое значение для структурного подхода имеют концепции различных форм капитала, в частности, классическая концепция экономического капитала предполагает оценку денежных, материальных, информационных и других активов пожилых людей, анализ их положения в обществе с точки зрения их доходов, расходов, ресурсной депривации. Так, согласно актуальному исследованию учёных НИУ ВШЭ, в связи с выходом на пенсию доходы россиян снижаются, меняется и структура расходов. Пожилые россияне 70+ тратят более 80% своих средств на питание, лекарства и оплату ЖКУ, а расходы на досуг, путешествия и одежду при этом резко сокращаются [10].

В рамках концепции человеческого капитала анализируются такие аспекты хозяйственной жизнедеятельности людей старшего возраста, как здоровье, профессиональные компетенции, жизненный опыт, эмоциональный и культурный интеллект, образованность, которая проявляется, помимо прочего, в таких качествах, как независимость, широта мышления, креативность [11].

В контексте **институциональной** парадигмы человек старшего возраста определяется в качестве игрока на экономическом поле, деятельность которого регулируется соответствующими правилами. В силу возраста и обстоятельств, одни из нас «выходят из игры», другие остаются активными и успешными игроками. Хозяйственная деятельность здесь предполагает знание, понимание и реализацию разного рода правил; а также обладание правами собственности. Для рассмотрения этих вопросов авторы обращаются, помимо прочего, к категориальному аппарату и методологии институциональной экономической теории [12]. Например, Е.В. Васильева применила теоретические положения неоклассической теории и неоинституционализма для анализа проблем трудовой и внутрисемейной деятельности старшего поколения [13].

Динамические (деятельностные, поведенческие) рамки экономосоциологического подхода предполагают позиционирование экономических субъектов как рациональных (или ограниченно рациональных) социальных акторов. Так, например, В.А. Щанина системно проанализировала практики поведения пожилых людей, направленные на повышение своего благосостояния. Как отмечает автор, представители старшего поколения активны в социально-экономической сфере, но эта активность носит вынужденный характер. Наиболее распространёнными практиками являются «трудовая деятельность (42,2% респондентов), финансовое поведение (27,9%), ведение натурального хозяйства с целью получения дополнительного дохода (9,1%) (2018–2019, N = 1120) [14].

В целом, деятельность (поведение) людей в экономической сфере определяется *хозяйственной мотивацией*, источниками которой являются экономические интересы (оценка выгод и издержек), культурно-нормативные схемы и различные формы принуждения [9]. Согласно Нилу Флигстину, культурно-нормативные схемы – это «специфические социокультурные контексты, в которых происходит формирование способов действия» [15], данные контексты предстают в виде институциональных ограничений, ценностных ориентиров, социальных навыков [9]. В целом, это совокупность правил (которые могут усваиваться, приниматься и превращаться в личные побуждения); идеальных стандартов поведения; и способности следовать правилам.

Хозяйственная мотивация людей старшего возраста, действующих в сфере экономики, сегодня активно изучается социальными исследователями. Представляют интерес все выше обозначенные мотивационные элементы. При обсуждении культурно-нормативного контекста стоит предположить, что люди 60+ в целом обладают схожими с представителями других демографических групп экономическими интересами (благополучие, достойный уровень жизни, высокая продолжительность жизни), но при этом, в силу своего «бэкграунда», тяжелее адаптируются (или вовсе не адаптируются) к сложным правилам рыночной цифровой реальности, оценивая происходящее сквозь призму сложившихся в течение жизни представлений (ценностей) и реализуя привычные социальные навыки. Приверженность сложившимся жизненным, хозяйственным траекториям может «ограничивать число актуальных альтернатив» [9].

Так, например, ответы представителей старшего поколения – участников фокус-группового интервью с жителями г. Семёнов Нижегородской области в некоторой степени подтверждают, что люди «выбирают не тот способ действия, который наиболее эффективен в данных обстоятельствах, а тот, который ими лучше освоен» [9].

У меня три участка, я не могу с ними расстаться, домой прихожу после работы там, еле дышу, а у мамы 83 лет в деревне – домик маленький, она тоже «пашет» день и ночь. Наталья, 59 лет, работающий пенсионер [16].

В санатории «Городецкий» была только раз, мне не понравилось. ...Не то, чтобы не понравилось, я ходила и в бассейн, я везде ходила и всё посещала, но как-то одиноко, хотя, я там познакомилась со многими людьми. Но всё равно, что-то не то. Не привыкли мы отдыхать, бездельничать. Дома какие-то дела себе придумашь. Любовь, 60 лет, работающий пенсионер [16].

В ответах информантов в рамках упомянутой фокус-группы можно усмотреть и действие другого мотивационного механизма – принуждения, или безальтернативного подчинения «человека внешним по отношению к нему условиям» [9]. С одной стороны, актуальным трендом является декларирование идеи активного долголетия [17], построение «серебряной» экономики с её фокусом на потребностях пожилых людей и сохранении их работоспособности [18]. С другой стороны, хозяйственная мотивация людей старшего возраста нередко оказывается, согласно терминологии К. Поланьи, мотивацией выживания [19]. Вероятно, это можно назвать одним из противоречий современной реальности.

У меня пенсия – восемь тысяч рублей, из-за чего я и работаю. Восемь тысяч я за квартиру отдаю. И что мне остаётся? Дети, пятеро внуков, сегодня вот у внука день рождения. Думаете, я бы не хотела сидеть дома? Но я иду работать, потому что мы не проживём на наши пенсии. Наталья, 84 года, работающий пенсионер [14].

Хозяйственная деятельность, обусловленная мотивами, реализуется в виде деловых стратегий, обладающих такими характеристиками, как последовательность, целенаправленность, осмысленность, планомерность [8]. Стратегичность стоит рассматривать как важный аспект экономической деятельности человека в условиях рыночной реальности. Какова, например, степень стратегичности человека старшего возраста, который остаётся на рынке труда или выбирает другие хозяйственные альтернативы? Если в наших реалиях доминируют мотивация выживания, реактивный стиль, какова степень осознанности и рефлексивности экономических действий? Какими принципами и правилами руководствуются люди при выработке деловых стратегий? В этом контексте особый интерес может представлять финансовое и нефинансовое планирование старшего возраста, как элемент хозяйственной

долгосрочной стратегии. Видение и построение собственного пенсионного будущего, вероятно, можно рассматривать и как элемент экономической культуры.

Предметом интереса в рамках экономосоциологического подхода являются и концепции контроля [20, с. 35], или господствующие в пространстве хозяйственной деятельности представления о том, какими являются статусы, роли, образы представителей старшего поколения на рынке труда и других сферах экономических отношений. Возможно, сегодня данный образ довольно устойчив и стереотипичен, если мы представляем «бабушек» или «дедушек» скорее как людей уязвимых, малообеспеченных, архаичных, зависимых от обстоятельств. Является ли их жизненное пространство миром ограниченных жизненных альтернатив, территорией, где люди не живут, а «выживают» и «доживают»? Если наши представления ограничиваются подобными установками, вряд ли это определит успех в глобальной и конкурентной «серебряной» экономике.

Социокультурная парадигма, в частности концепция культурного капитала, применяется социальными исследователями для изучения «культурных кодов» экономической деятельности [21]. Поведение человека (в том числе, старшего возраста) в хозяйственной сфере, обусловлено, помимо прочего, его этическим кодексом, мировоззрением (картиной мира), установками и представлениями об окружающем мире. Возможно, что достижение старшего возраста, выход человека на пенсию, стимулируют ценностные трансформации, некоторое изменение установок, отношения к происходящему. Если подобную ситуацию рассматривать как жизненный кризис, интересно измерить социологически, как именно человек разрешает данный кризис, и какие решения он принимает в хозяйственной сфере. Ориентируясь на работу социолога Л. Харрисона [22], в качестве мировоззренческих аспектов экономического поведения можно рассматривать светскую или религиозную этику; веру в свою способность (или признание неспособности) изменить жизнь к лучшему; осознание того, что кроме прошлого и настоящего, есть ближайшее будущее, о котором также нужно думать; жизненный практицизм, или прагматизм (в противовес уходу от реальности).

В сфере хозяйственных отношений предметом социокультурного анализа может также выступать деловая (трудовая) культура людей старшего возраста, которая проявляется как в формальной, так и неформальной сферах занятости (например, помощь в воспитании внуков). С опорой на актуальные исследования российских авторов стоит сформулировать ряд исследовательских вопросов, имеющих социокультурное содержание. Каким принципом в большей степени руководствуются люди старшего возраста – «жить, чтобы работать», или «работать, чтобы жить»? Возможен ли карьерный рост в старшем возрасте? Как реализуются практики хозяйственной бережливости внутри домохозяйств – в виде разумной экономии или радикального аскетизма? Что характерно для россиян старшего возраста – приверженность семье (детям и внукам, при наличии), или идентификация с обществом в целом (не только формальная), что проявляется, например, в «серебряном» волонтерстве, более широком радиусе доверия? Каковы перспективы применения к анализу проблематики старшего возраста авторских теорий, таких, как теория культурных измерений Г. Хофстеде? [21, 23].

В целом, в рамках парадигмы культурного и социального капиталов человек старшего возраста рассматривается как носитель культурного бэкграунда и участник социальных сетей. Концепция социального капитала активно используется исследователями, работающими в рамках экономосоциологической парадигмы [24], а категория культуры становится важным элементом экономических теорий [25].

Контент-анализ академических публикаций по проблематике старшего возраста: экономсоциологический контекст

В рамках представленной работы был выполнен контент-анализ 112 статей, опубликованных в российских академических журналах в 2016–2026 гг. Цель применения метода – выделить и систематизировать ключевые тематические блоки, раскрывающие проблематику старения и старшего возраста в предметном поле экономической социологии.

Кодирование выполнялось с опорой на категориальный аппарат экономической социологии, в качестве кодов (с учётом названий и аннотаций научных статей) были выделены 30 понятий, раскрывающих содержание структурного, институционального, деятельностного и социокультурного подходов. Данные категории, которые наиболее точно характеризуют предметное поле экономической социологии по проблематике старения и старшего возраста, отражены в облаке кодов (рис.). Дальнейшая обработка массива публикаций позволила сформировать 8830 кодированных сегментов. Ключевые тематические блоки были определены и систематизированы с помощью корреляционного и факторного анализа (в программе *XIStat*).

Анализ корреляций. На основе корреляционной матрицы можно выделить три смысловых блока. Наиболее сильные связи ($r > 0,98$) наблюдаются между понятиями «Труд», «Занятость», «Рынок труда», «Работодатели», «Конкуренция». Эти категории образуют единый устойчивый кластер, то есть в анализируемых текстах они почти всегда встречаются совместно. Данный кластер можно охарактеризовать как **рыночно-трудовую парадигму** экономсоциологических исследований старения и старшего возраста, раскрывающую идею *активности пожилых людей в трудовой сфере*. Связь между категориями «Бизнес», «Доходы», «Эффективность» говорит о том, что авторы активно обсуждают вопросы результативности экономической деятельности, осуществляемой как представителям старшего поколения, так и в их интересах.

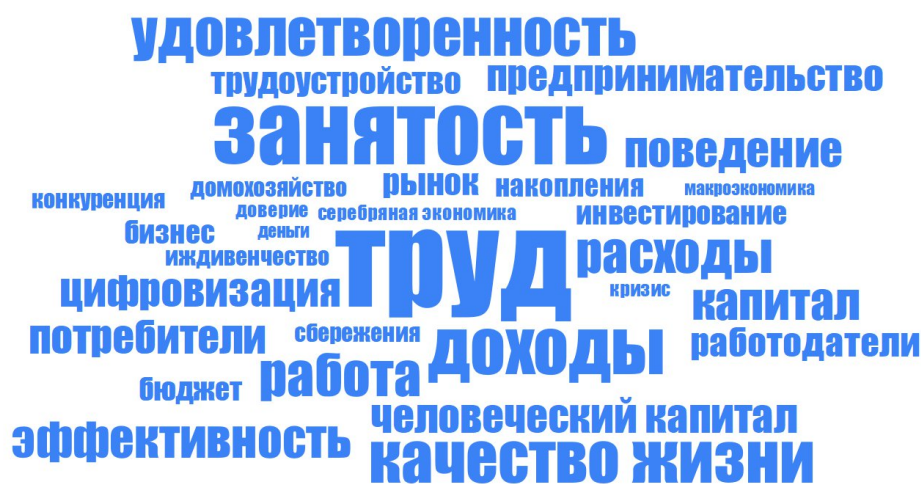

Рисунок. Облако выделенных смысловых единиц (кодов): категории, характеризующие предметное поле экономической социологии в изучении проблематики старения и старшего возраста. *MaxQda Analytics Pro (26.2.1)*

Сильные корреляции (0,95–0,98) характерны также для терминов «Капитал», «Человеческий капитал», «Качество жизни». Они образуют блок **«Благополучие и ресурсность»** старшего поколения, связанный с уровнем жизни, здоровьем и накоплениями. Категории «Потребители» и «Поведение» связаны с понятием

«Доходы», так как финансовые возможности определяют потребительские стратегии пожилых граждан.

Ещё один тесный кластер – это понятия «Бюджет», «Инвестирование», «Кризис», «Серебряная экономика», «Доверие», «Иждивенчество». Эти понятия отражают роль государства (социально-экономическую политику), ресурсные ограничения, социальные риски, доверие к институтам). Данный блок можно охарактеризовать как **институционально-деятельностный**.

В текстовом массиве присутствуют относительно более слабые, но всё ещё значимые связи (0,75–0,85). Так, термин «Иждивенчество» заметно слабее коррелирует с большинством категорий. Скорее всего, этот концепт используется в специфическом контексте и реже пересекается с рыночными или трудовыми темами. В частности, И.С. Карпикова и Е.И. Нефедьева рассмотрели проблему социального иждивенчества на региональном уровне (на примере Иркутской области). Авторы отмечают недостаток «достоверных научно обоснованных сведений о степени укоренённости и содержании практик социального иждивенчества и паразитизма» [26]. Социологи выявили, что жители Иркутской области относятся к подобным явлениям преимущественно нейтрально и умеренно негативно. К социальному иждивенчеству, полагают опрошенные, больше склонны безработные, инвалиды и лица пожилого возраста. Мужчины и молодёжь более лояльны в оценках проявлений социального иждивенчества, чем женщины и сами пожилые люди [26].

Таким образом, анализ корреляций в текстовом массиве показывает, что категории не конкурируют, а взаимодополняют друг друга. Тесные связи подтверждают, что экономико-социологические исследования носят междисциплинарный, комплексный характер, где трудовые, финансовые, социальные и институциональные аспекты рассматриваются системно. При этом центральной категорией выступает «Труд», т.е. *трудовая занятость выступает главной оптикой* в анализе положения людей старшего возраста в российской социально-экономической сфере.

В результате содержательной интерпретации корреляционной матрицы, были выделены *дополнительные тематические блоки (измерения)*, характеризующие экономико-социологический дискурс о старении населения и жизнедеятельности пожилых людей (табл.).

Таблица

Тематическое пространство публикаций в рамках предметного поля экономической социологии по вопросам старения и старшего возраста

<i>Характеристика измерения</i>	<i>Категории</i>
Экономическая активность и результативность	«Удовлетворённость», «Эффективность», «Труд», «Предпринимательство», «Доходы», «Бизнес», «Рынок», «Занятость» (высокие положительные нагрузки)
Накопления vs занятость	«Работодатели», «Занятость», «Работа», «Трудоустройство» (умеренные положительные нагрузки) «Накопления», «Капитал», «Инвестирование», «Цифровизация», «Расходы» (сильные отрицательные нагрузки)
Домохозяйство и потребительские расходы	«Расходы», «Домохозяйство» (высокие положительные нагрузки) «Трудоустройство», «Капитал», «Конкуренция» (умеренные отрицательные нагрузки)

Таблица (продолжение)

<i>Характеристика измерения</i>	<i>Категории</i>
Качество жизни vs трудовое напряжение	«Удовлетворённость», «Предпринимательство», «Качество жизни» (положительные нагрузки) «Расходы», «Трудоустройство», «Труд», «Конкуренция», «Рынок», «Цифровизация» (отрицательные нагрузки)
Потребительское поведение и доверие	«Потребители», «Цифровизация», «Поведение» (положительные нагрузки) «Капитал», «Трудоустройство», «Доверие» (отрицательные нагрузки)

Блок 1 – **«Экономическая активность и результативность»** объединяет показатели, связанные с трудовой активностью, предпринимательской деятельностью, рыночными отношениями и субъективной оценкой удовлетворённости и эффективности. Ключевой идеей здесь является общий уровень экономической включённости пожилых людей и результативность их участия в экономике.

Блок 2 – **«Накопления vs занятость»** противопоставляет активность на рынке труда (занятость, работодатели) и финансовые накопления / инвестиции. Можно предположить, что это отражает дилемму: пожилые люди либо продолжают работать и получать доход, либо живут на пенсию, сбережения и капитал. Присутствие категории «Цифровизация» (отрицательная нагрузка) может указывать на её связь с новыми формами занятости или инвестиционными платформами.

Блок 3 – **«Домохозяйство и потребительские расходы»** демонстрирует тематику функционирования домашних хозяйств и потребительских трат, что в целом, характеризует хозяйственное поведение людей старшего возраста в семейном контексте (покупки, оплата услуг, содержание жилья). Отрицательная связь с категориями «Капитал», «Трудоустройство» говорит о том, что рост расходов не сопровождается накоплениями или активным поиском работы.

Блок 4 – **«Качество жизни vs трудовое напряжение»** репрезентирует скорее оптимистичное восприятие жизни («Удовлетворённость», «Качество жизни», «Предпринимательство») и такие аспекты трудовой деятельности, которые вызывают напряжённость («Расходы», «Трудоустройство», «Конкуренция», «Рынок»). Возможно, это отражает конфликт между стремлением человека к комфорту, самореализации и издержками, связанными с работой и высококонкурентной рыночной средой.

Блок 5 – **«Потребительское поведение и доверие»** можно интерпретировать как склонность к потреблению и использованию цифровых технологий в противовес накоплению капитала и формальному трудоустройству. Категория «Доверие» здесь имеет сильную отрицательную нагрузку, возможно, в данной выборке потребительское поведение пожилых чаще наблюдается при низком уровне доверия (к институтам, экономическим условиям).

Таким образом, результаты контент-анализа подтверждают многогранность экономико-социологического рассмотрения проблематики старения. Помимо рынка труда, проблематики доходов и расходов, российские авторы анализируют аспекты потребления, накоплений, субъективного благополучия и цифровой адаптации.

Заключение

В рамках исследования представлена попытка охарактеризовать предметное поле экономической социологии применительно к проблематике старения и старшего возраста. Тезис социолога М. Грановеттера об укоренённости экономического действия

в социальных отношениях позволяет рассматривать хозяйственные практики пожилых не изолированно, а в контексте социальных связей, институтов и культурной специфики. В рамках экономической социологии были охарактеризованы четыре основных подхода, применимых к изучению проблематики старшего возраста – структурный, институциональный, деятельностный, социокультурный.

Контент-анализ 112 научных публикаций российских авторов по социально-экономической проблематике старшего возраста позволил выделить три устойчивых смысловых тематических раздела. Это рыночно-трудовой; оценочно-ресурсный и институционально-деятельностный блоки, которые вполне соответствуют предметному полю экономической социологии. Центральной категорией является «Труд» – именно через трудовую занятость, вопросы экономической активности и результативности отечественные исследователи чаще всего анализируют положение пожилых людей (в рамках указанной выборки). Возможно, что парадигма труда и занятости несколько доминирует по отношению к социокультурным, институциональным и поведенческим аспектам рассматриваемой проблематики, что следует учитывать при новых разработках. Перспективными, например, являются экономическая микросоциология и этнография, с их акцентом на уникальных и типических характеристиках повседневности, рутины хозяйственной жизни пожилых людей.

Актуальным является дальнейшее эмпирическое изучение экономической субъектности представителей старшего поколения, особенно в контексте цифровизации, новых форм занятости и «серебряной» экономики. Представленная систематизация может служить аналитической картой для построения прикладных социологических исследований и обоснования социальной политики в области активного долголетия. Экономико-социологический подход к изучению проблематики старшего возраста имеет многомерный характер, является перспективным и практически значимым.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Granovetter M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness / M. Granovetter // American Journal of Sociology. – 1985. – Vol. 91, No. 3. – P. 481–510.
2. Российский рынок труда через призму демографии / Н.Т. Вишневская, В.Е. Гимпельсон, И.А. Денисова [и др.]. – М.: Издательский дом ВШЭ, 2020. – 436 с.
3. Шабалин В.Н. Влияние трудовой деятельности на продолжительность и качество жизни людей пожилого возраста (аналитический обзор) / В.Н. Шабалин, С.Н. Шатохина // Вестник медицинского института «РЕАВИЗ»: Реабилитация, Врач и Здоровье. – 2024. – Т. 14, № 3. – С. 127–137.
4. Асташова Ю.В. Эйджизм как фактор сдерживания геронтомаркетинга на российском потребительском рынке / Ю.В. Асташова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». – 2018. – Т. 12, № 1. – С. 142–151.
5. Лю Ц. Пожилые люди и старение человека: основы экономико-социологического подхода / Ц. Лю // Теория и практика общественного развития. – 2025. – № 9 (209). – С. 129–134.
6. Теодорович М.Л. Бедность в России: подходы к исследованию и преодолению / М.Л. Теодорович, А.Е. Солдаткин, А.А. Варызгина. – Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2025. – 217 с.
7. Гладких Р.А. Исследование неформальной занятости в Российской Федерации, включая возрастные, гендерные и отраслевые особенности / Р.А. Гладких // Евразийский Союз Ученых. – 2021. – № 3 (84). – С. 22–27.

8. Гордеев Ю.А. Возраст как детерминанта спроса на финансовом рынке / Ю.А. Гордеев // Экономика и управление. – 2024. – Т. 30, № 6. – С. 740–749.
9. Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления / В.В. Радаев. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 328 с.
10. Карева Д.Е. Особенности потребительского поведения людей старшего возраста в России: снижение расходов и упрощение структуры потребления / Д.Е. Карева, О.В. Синявская, А.А. Миронова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2025. – № 3. – С. 36–60.
11. Варфоломеева В.А. Человеческий капитал «серебряного» возраста / В.А. Варфоломеева // Путеводитель предпринимателя. – 2026. – Т. 19, № 1. – С. 77–82.
12. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория / Под общ. ред. А.А. Аузана. – М.: Проспект, 2017. – 448 с.
13. Васильева Е.В. Проблемы трудовой и внутрисемейной деятельности старшего поколения / Е.В. Васильева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2025. – Т. 18, № 5. – С. 166–186.
14. Щанина Е.В. Практики поведения пожилых людей, направленные на повышение своего благосостояния, в современном российском обществе / Е.В. Щанина // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 2 (162). – С. 138–161.
15. Fligstein N. How to Make a Market: Reflections on the Attempt to Create a Single Market in the European Union / N. Fligstein, I. Mara-Drita // American Journal of Sociology. – 1996. – Vol. 102, No. 1. – P. 1–33.
16. Образ и качество жизни людей пенсионного возраста в малом городе (итоги фокус-группового интервью с жителями г. Семёнов Нижегородской области) / М.Л. Теодорович, Ю.Л. Софронова, Н.Н. Патокина, Г.А. Грунин // Экономические функции социальной работы: управленческие подходы к реализации. – Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2025. – С. 74–82.
17. Лаврикова Ю.Г. Концепция активного долголетия как инструмент обеспечения экономической безопасности территории в условиях старения населения / Ю.Г. Лаврикова, Е.В. Васильева // Экономика и управление. – 2022. – Т. 28, № 1. – С. 25–32.
18. Горошко Н.В. «Серебряная экономика» как новый тренд мирового развития в условиях глобального старения населения / Н.В. Горошко, С.В. Пацала // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2021. – № 2. – С. 198–218.
19. Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс / К. Поланьи // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3, № 2. – С. 62–73.
20. Fligstein N. The Architecture of Markets: An Economic Sociology of Twenty-First-Century Capitalist Societies / N. Fligstein. – Princeton: Princeton University Press, 2001. – 274 p.
21. Аузан А.А. Культурные коды экономики: как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа / А.А. Аузан. – М.: Издательство АСТ, 2022. – 160 с.
22. Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты. Культурный капитал и конец мультикультурализма / Л. Харрисон. – М.: Мысль, 2016. – 286 с.
23. Measuring organizational cultures: A qualitative and quantitative study across twenty cases / G. Hofstede, B. Neuijen, D.D. Ohayv, G. Sanders // Administrative Science Quarterly. – 1990. – Vol. 35, No. 2. – P. 286–316.
24. Бурдые П. Формы капитала / П. Бурдые // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3, № 5. – С. 60–74.

25. Бёгельсдейк Ш. Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности / Ш. Бёгельсдейк, Р. Маселанд. – М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Изд-во «Международные отношения»; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2016. – 464 с.

26. Карпикова И.С. Феномен социального иждивенчества в оценках населения (на примере Иркутской области) / И.С. Карпикова, Е.И. Нефедьева // Теория и практика общественного развития. – 2018. – № 11 (129). – С. 36–41.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Софронова Юлия Львовна, кандидат социологических наук, доцент, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

e-mail: sofronova@fsn.unn.ru